

Николай ГОДИНА

* * *

Пожаловал в деревню за стихами
Поэт давно и прочно городской.
Готов вставать зазнамо с петухами,
Встречать табун, коль водится такой.

Ни хрен с бугра, но ровников живее,
Которого назвать не стыдно вслух.
С поправкой на ненастье лес, ржавея,
К искусству оказался нем и глух.

Не вдохновили ни холмы, ни ямы
Преступно разоренного гнезда,
Где до сих пор хорей или ямбы
Журчат в лихой дурнине, как вода.

* * *

Море пахнет стиранным бельем.
Баржи слева — лишние в пейзаже.
Мы еще не курим, и не пьем,
И с любовью не знакомы даже.

Малый промежуточный народ
С неумным зудом комсомола.
Чайка оглашенная орет.
Ноет сломанная челюсть мола.

Задаль дымка ветха на просвет
И до горизонта меньше мили.
Мы еще... а нас уже и нет,
Только что, поверьте, жили-были.

* * *

Природа надо мной не потрудилась,
В чем твердо убедился даже я.
А вот весна, похоже, подрядилась
В скворца перечиркать воробья.

Николай Година родился в 1935 году в Полтавской области. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», «День и ночь», постоянный автор «Невы». Автор более тридцати книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской премии им. Павла Бажова (2005), Южно-Уральской литературной премии (2014) и других. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Челябинске.

Воздушное пространство нарушая,
Над садом хищно кружит воронье.
Где неконкретная, зато большая
Прикрыла тень наличие мое.

Догожий, без злодейского резона,
Улегся пес на озелень газона.
Вокруг от одуванчиков желто.
Басят шмели, которым я никто.

* * *

Трактор кинетической скульптурой
Водрузили посреди села,
Жалуя колхозникам натурой
Как бы за великие дела.

У подножья выросла крапива.
Лозунг съела ржавчина с концом,
Где я в красном галстукe красиво
Реял героическим лицом.

Кончилось все бражно и пассивно.
Зло давно помножилось на зло.
Ну, а за романтику спасибо.
Внукам нынче меньше повезло.

* * *

Пока слезоточивой прозой
Турусит невпросьп село,
Впишусь нишком в пейзаж с березой,
Которой статья повезло.

Девичьим сплетничеством занят
Осинник, где туман потух,
А речка вяло, как сказанье,
Течет без творческих потуг.

Блажит душа в больном и старом,
Ведет на свет и голоса...
Невнятно-серое с подгаром
Исходит небо в Небеса.

* * *

Лес не болен еще, но уже не здоров.
Прельый запах от скользких до слизи ковров.
Издолбил мелкий долбень березу в труху,
Задолбал, затупил долото наверху.

Горе есть, а ума, говорят, два пима.
Из глуши философии путь на простор
Без приятства укажет однажды зима.
Снег текстурой скорлупчатой выстелит двор.

Переводом с санскрита — сорочки следы.
Гидромет за свои пусть ответит слова...
А покуда меняется форма воды,
Я смотрю, как уходят в себя деревья.

* * *

Писанница цифрового века
На скале вблизи Тургояка
Дикого по стилю человека
И по содержанью дурака.

Пялится ворона из-под веток.
Пучится на грядке кабачок.
Обоняю жизнь любых расцветок.
Осызаю смерть, о чем — молчок.

Порхлый дождь идет, и я не против.
Вот в обнимку с деревом стою.
Скоро осень брагою забродит
И замутит пьяно грусть мою.

* * *

В деревне девок накрашено,
Как ягод в Реткульском лесу.
Пусть самоуком, то и дело
Овсянка зенькает умело —
Тоска окольно на весу
По лошадям и по овсу.

Поля с цикорием направо.
Налево крепкий иван-чай...
Но как-то пишется коряво.
И нет положенного права
Скосить албанский молочай
И сведать слово невзначай.